

Полив по графику

ФАНТАСТИКА

Юлия Сиромолот

Люк Вангелис уперся в край столешницы, вытянул пальцы в ботинках, до судороги в стопах, и сказал:

— Не знаю я, что с ним такое. Лежит, еле дышит.

Начальник штаба вятно чертыхнулся.

— Вангелис, — спросил он, — ты хорошо смотрел? Может быть, у него лекарство какое-нибудь с собой? Или он что-нибудь сказал?

— Сказал. Голова, мол, болит, собачье дело, пойду посплю... Ну и поспал.

Начштаба засопел. Вангелису стало полегче: самое неприятное будто бы позади. За черным экраном перешептывались, кто-то, покашливая через слово, бубнил неразборчивое, но Вангелис-то отлично слышал: «Отмороженный ваш... Не отмороженный, а отказник... Один хрен. Полив завтра».

Полив завтра. Люк сцепил и расцепил руки, суставы хрустнули, как сухой тамариск. Замечательная штука — тамариск, отлично держит дюны, но растет очень уж медленно. Надо поливать, надо активировать, и одно без другого — пустое дело. А тут матка от жары потеряла настройку, тридцать активаторов — мертвое железо. И Дикович, наладчик, без памяти лежит в спальне. А полив придет по графику.

— Вангелис? — Начштаба прочистил горло. Люк и без видео знал, как тот морщит нос, ерошит куцую бородку и сверлит экран угрюмым взглядом исподлобья. — Какие идеи?

— Да почти никаких, — отвечал Люк. — Ты же понимаешь, Павел, плохие дела. Наверное, самому придется... на ручном.

«Так он мог бы...», — вставил было кто-то, и тут же другой голос поспешил напомнить: «У него разъема нет. Не выйдет».

Молодцы там, в штабе. Памятливые. Нет разъема, это точно.

— Ладно, — отозвался начальник. — Давай через два часа. Придумаем чего-нибудь. И врача пришлем. Через два часа, понял?

— Понял, связь через два часа. Отбой.

Вангелис встал из-за стола. Говорят, кого незлым словом вспоминают, у того уши горят. Зудело и чесалось за левым ухом — там, куда обычно выводят разъем. У тех, у кого он есть... Нет уж, дорогие мои, сами делайте это, общайтесь напрямую со своими телефонами, квартирами, унитазами и общественным транспортом. А я вот не могу, и не хочу, и не буду. Это не запрещено.

Это — просто фобия. Как страх пауков.

Вангелис поморщился. Не стыдно бояться мышей, высоты или тесных комнат. А киберов — стыдно?

Нет, наверное. Если только не такая засада, как сейчас.

И что они там придумают? Придумщики — когда все рассчитано и просчитано, и время, и люди... Значит, придется разбираться самому. Во всей ее трижды проклятой нейромеханике.

Люк потер шею, потоптался на месте — ноги от напряжения затекли, пока сидел, — и отправился в гараж за «Руководством наладчика». Робот-матка «Дана», сто гигабайт силиконовых наномозгов (и на кой же столько?), узнав водителя, подала сигнал и задвигала сочленениями гидравлики. «Дура!» — промычал Вангелис, осторожно обходя лоснящиеся цилиндры рабочих органов. Суцеглупые мысли, на которые он и всегда-то был слабоват, теперь наперебой лезли в голову, одна дичее другой: вот наверняка «Дану» каким-то кибервирусом попортило, а Дикович вчера с ней общался — мог и подцепить... Тьфу, Господи, прости!

Схватил «Руководство» в охапку, скачками побежал из гаража. В дверях блочка осмотрелся — сухо. Маревно. Пустыня. Сотни гектаров дикого черноморского песка. И завтра по этому каленуму мареву — с тридцатью активаторами на ручном управлении... Люк посмотрел в желтое небо — оно тоже уставилось на него мутным солнечным оком, дышало песком и жаром. Он торопливо захлопнул дверь, устроился поближе к термозлементу, ловил слабую, не освежающую струю воздуха из-за «холодной» решетки.

До того не хотелось приниматься за чтение — ведь почти же безнадежное дело, вон какой томище! — до того не хотелось, что он поднялся и еще раз сходил к Диковичу — проверить, как он там.

Наладчик, синюшно-бледный, лежал навзничь. Дышал редко и трудно. Время от времени у него подергивалось лицо, судорожно ерзала по простыне волосатая, в неотмытой смазке рука. Вторая свесилась по ту сторону кровати. По-хорошему бы подойти, поднять, поправить, но...

Вангелис не боялся живых людей и мертвецов. Он не любил киберов и боялся большого беспамятного Диковича, у которого контактор так и торчал невынутый, змейка-проводок улеглась на подушке.

Очень глупо.

Люк вернулся в столовую, покосился на часы — двадцать минут всего лишь прошло! — и раскрыл «Руководство». Придвинул блокнот, выписал три первые

последовательности, дальше — потерялся. Сидел, подперев кулаком щеку, тупо глядел в таблицы. Если бы еще не думать, что они там решают и, да, что говорят в сердцах. «Отказник, отказник!» Но ведь на Проект берут всех, всякого берут, кроме уж совсем расслабленных. Международная программа, большое дело, а люди не так чтобы уж бегом записываются спасать Причерноморье: работа сезонная, добровольческая, но это четыре месяца безвылазного житья в пустыне, пока не прорастет и не закрепится травяной покров на дюнах. Мало кто соглашается на второй сезон. Вангелис согласился, так и то не от добра. В городе без разъема совсем плохо — считай, инвалид; мир к левшам вон не приспособлен, что уж о прочем говорить. Зато здесь никому дела нет, с разъемом ты или без разъема. На регистрационном пункте даже не посмотрели на это, спросили только, есть ли техническое образование, хотя бы среднее. Потому что водителю разъем, в сущности, не нужен. Сложной бытовой техники на участке нет, электричество — от солнечной батареи, а «Дана», когда в порядке, чуть ли не сама по себе едет — только ее направляй помалу да потом от песка чисти. Не предполагали, когда строили эти комплексы, что им придется по пескам ползать.

Вангелис вздохнул и снова набросился на справочник — нейросхемы, матушка моя женщина, диаграммы уровней рабочей памяти, спектральная характеристика коммуникативного кода!...

Ой-ей-ей. Дикович, Дикович. Что ж тебя угораздило так?

Самому — нет, не успеть. Не понять. Не разобраться. Тут одной рутинной проверки — часов надцать... а еще ведь программу делать. Хотя бы самую простенькую. Полив, значит, к свиньям собачьим, а ты, Вангелис, будешь во всем виноват. А кто же еще?

Потому, что у тебя нет разъема. Железки нет. Микросхемы в башке — как у других, кому это не противно.

Какой же ты, однако...

Запищал передатчик. Вангелис вскочил, заметался, включил громкую, подтвердил прием.

— Значит, так, Вангелис, — забубнил начальник штаба, — врача встречай. Поможешь ей там, и давайте не возитесь долго. Теперь о грустном. Наладчика свободного у меня нету. Поменяешься поэтому с Зегерсом, он ближайший к тебе, кто спецкурс проходил. И с головой у него... эээ... все в порядке. Давай, соберайся. Понял?

— Понял, — отвечал Вангелис. — Плохо ты придумал, Павел. Зегерс у меня не сможет работать.

— Вангелис! — рявкнул микрофон. — Ты что еще... будешь мне советы давать?!

— Зегерс не сможет, — повторил Вангелис и набычился будто они там, в штабе, могли его видеть. — Он же аллергик, а у меня семенная смесь. И гербицида полные баки, сами знаете, какая гадость ядерная. Нет уж. Я сам как-нибудь. Больше суток еще до полива.

Начальник штаба только крикнул в микрофон — и всё.

Вангелис остался в тишине один. Вот тебе и положение: здесь водитель без разъема, там аллергик, а

наладчик в обмороке — хороши бойцы с пустыней черноморской! Ну что же... Сам — значит сам. Как обещал. Скорее всего, как-нибудь и будет, криво. И сутки с лишним не спать. А потом еще десять часов обработки. Без кофе, потому что вода рассчитана и роздана заранее. Ладно, сказал себе, будем биться головой о стену, сон прогонять. Тем более поводов найдется — хоть отбавляй.

Боже милый, сказал Вангелис по привычке, как еще в детстве был научен, Боже милый, ты бы мне помог, а?..

Разговоры с Богом пришлось отложить. Не успел Люк толком остыть от своей решимости, как небо над блочком затряслось и выплонуло вертолет медицинской службы.

Врач была молодая, черноволосая, а глаза — светлые, и на скулах веснушки. Звали ее Мо Эперт, и она, как видно, ничего не боялась — ни пустыни, ни болезней, ни киберов. Замечательная девушка с разъемом за левым ухом.

Вангелис провел ее к Диковичу, в энный раз повторил свои скудные сведения: не был, ничего такого не ели, нет, о других его болезнях не знаю — и был отпущен, пока не понадобится. Однако далеко не ушел. Живая душа, хоть и с разъемом, — все-таки лучше, чем «Дана». Да и любопытно — что она станет делать? Люк отирался у приоткрытой двери. Удивительным показалось, что при враче не было ни инструментов, ни приборов. Да и осматривала она Диковича, как знахарка: тискала, сгибала ему руки, заглядывала под веки, щупала пульс, прикладывала ладонь к груди и ко лбу. Откуда ни возьмись, вынула вдруг иглу, проколола наладчику палец, лизнула выступившую каплю крови — будто даже почмокала, чтобы лучше распробовать. Скривилась. Покачала головой, словно сама с собой не соглашаясь. Пригнулась к самому лицу больного — обнюхивала, что ли? — и, не прекращая обследования, походя потянула из нагрудного кармана проводок контактора. Вставила в разъем, подключилась к Диковичу — как к мертвому железу, как к киберу — и обмякла возле постели, раскрыла рот, закатила глаза...

Вангелис оторопел. Он уже понял, догадался, сообразил, что Мо Эперт только с виду человек. И разъем у нее — не то что у того же Диковича, и наносхем в ней, должно быть, не меньше, чем в «Дане». Модификаты — так это называется. Люк о них слышал, конечно (мол, это последнее слово в биокибернетике), и вчуже, заранее, до дрожи боялся их, хоть и понимал, что может быть полезно; сам ведь видел, до чего полезно, но все же внутри все собралось в тошный комок: неживая! Даже хуже, чем «Дана», та хоть с виду не прикидывается...

— Помогите мне, Люк. Подержите его.

Вангелис не двинулся с места. Мо Эперт обернулась. Голубые глаза полыхнули бешено.

— Да вы что там околачиваетесь? Идите, его держать надо!

— Где? — выдохнул Вангелис.

— Черт... за плечи. Зафиксируйте. Чтобы он не дернулся вдруг. Да что ж вы стоите?

«Я боюсь». Но этого сказать было никак нельзя.

Вангелис передвинул ноги раз, другой, обошел кровать.

— Держите крепко, — сказала Мо Эперт. — Он не должен шевелиться. Это пункция.

Дикович был горячий, мышцы неестественно напряженные, твердые. Вот-вот ладонь соскользнет, и тогда, конечно, пиши пропало... От страха Вангелиса мутило. Он видел из-за плеча наладчика склоненную, стриженую голову мисс Эперт, и ему казалось, будто проводок контактора, который торчал у нее за ухом, влажно блестит на конце... Как бы еще удержать-то...

— Угу, — пробормотала врач, появляясь из-за спины больного. — Угу. Понятно. Посев сделаю в лаборатории, но уже видно — инфекция в канале. Держите еще. Что вы такой бледный? Тошнит?

Вангелис кивнул. Мо Эперт, говоря с ним, разглядывала палец. На отполированном ногте каталась опаловая капля. Люк вспомнил, как она слизывала кровь Диковича, и едва справился со спазмом в горле. Анализатор. Тестер ходячий. Что она там говорит?

— ...Еще немного, хорошо? Потом я вами займусь. Ему надо прямо сейчас антибиотики ввести. Подержите, я вас очень прошу.

Вангелис держал. Он перестал думать и воображать всякое, просто держал Диковича за плечи. Кажется, сто лет прошло, прежде чем Мо Эперт разжала ему пальцы, повернула голову, оттянула веко. Чем-то жестко и больно ткнула под ложечку — Люк задохнулся и мешком упал на подставленный стул.

— У него менингит, — кивнула Эперт на Диковича. Тот — то ли во сне, то ли еще в беспамятстве — лежал на боку, однако вид у него был уже не такой скверный, и лицо не дергалось. — Подлечим. А вот у вас ничего такого, кажется. — Она внимательно посмотрела на Люка. — Что на самом деле? Невроз?

Вангелис не смог ничего сказать — только показал пальцем за ухо: мол, вот это самое... Мо Эперт, нимало не смутившись, вынула контактор, сложила, сунула в нагрудный карман.

— Это очень удобно, — сказала просто. — Как бы три врача, полевая лаборатория. А так я одна. Слушайте, Люк. Я вам сейчас дам успокаивающее, и вы мне еще поможете его отнести в вертолет. А потом я вам поставлю иголки, и сразу полегчает. Договорились?

Без контактора она совсем как человек, только деловитая очень. Вангелис и сам был такой — давно, в другой жизни, до Черноморского проекта. А теперь он устал и ослабел. В животе медленно таял ледяной комок. От успокаивающего (откуда она его нацедила? Уж не из пальца ли?) все стало матовое и тихо звенящее. Вангелис помог ей: уложил Диковича на носилки, вдвоем отнесли его, устроили в брюхе вертолета, — и покорно высидел, пока неживая женщина-доктор втыкала ему в мочку уха и в шею острые титановые иголки.

— Полчаса, — сказала она, усаживаясь напротив. — Потом померяю давление и поеду. А вы, как сменились, заходите к нам на базу. С таким неврозом без профилактики тут работать нельзя...

— Работаю же, — пробубнил Вангелис. Ему уже ста-

ФАНТАСТИКА

ло легче, и тут он понял, что за мысль все это время рыбой трепыхалась в утонувших мозгах.

Он даже зажмурился. До того это было... неприятно. И странно. И глупо...

Успею, сказал он себе. Не сейчас. Она ж еще не уходит. Сейчас все хорошо. Почти. А если я скажу, то будет...

Что такого ужасного будет, он не знал. Ему просто отчаянно не хотелось это говорить. Но и выхода, кажется, не было.

Еще двадцать минут покоя. Пятнадцать. Десять. Пять. Пять минут. Три. Од...

— Вот так, — сказала Мо Эперт, вынимая иголки и взяв Люка за запястье. Вангелис сжался, и она сразу же заметила: — Расслабьтесь, а то я ничего не слышу. Низковато, — вздохнула, закончив измерение. — Астения... Зайдите к нам обязательно, слышите? Ну, спасибо за помощь, до свидания.

— До... свидания, — выдавил Вангелис — и в спину ей, отчаянно: — Мисс Эперт!

— Да? Слушаю.

— Мисс Эперт... Я... В общем, конечно, глупости это, но...

Удивленно, совсем как живая, как человек, она вздернула бровь.

— Мисс Эперт, вы видели? — Он провел ладонью за ухом, понимая, что краснеет, как помидор. — Да? У меня нет... А Дикович — вот, а по книжке я не успею разобраться...

— Вы о чем?

— Мисс Эперт, сходите к ней.

— К кому? Тут еще кто-то есть?

— «Дана», — прошептал Вангелис, чувствуя, что сейчас упадет со стула.

— Дана?

— Матка. Кибер-матка.

Мо Эперт посмотрела на часы, потом на Вангелиса.

— Ну что это вы, в самом деле? Я же врач, а не наладчик киберов. Что я в них понимаю?

Вангелис опустил глаза. Ему было чудовищно стыдно. Просто смертельно стыдно. Но он все-таки бубнил о контакторах, разъемах и о том, что может быть, все-таки...

— Я не могу, — как маленькому, повторила Мо Эперт. — Она же не человек.

— Вот именно! — Вангелис вдруг сорвался почти на крик. Лицо у него пылало, глаза были красные, безумные. — Не человек! Я с ней говорить не могу, а вам ведь ничего не стоит! Только попробовать. Если

ФАНТАСТИКА

не поймете, я, конечно, буду сам, но если поймете хоть что-нибудь — черт, я прошлую ночь почти всю на ногах, и эту тоже, но это зачем же, зачем, если можно хотя бы попытаться?

Мо Эперт молчала. Вангелис вытер губы и закончил совсем тихо:

— Завтра тучи пригонят из Одессы. А она нерабочая. Я, конечно, буду очень стараться, но это... это время! И вряд ли я много наделаю с толком... А вы же поговорили с Диковичем, хоть он и в обмороке был... Может быть, и с ней тоже?

Она все смотрела на Люка, смотрела... потом повернулась и вышла. Водитель сунул лицо в ладони, онемел и оглох: позор какой!.. стыд-то какой!.. дурак ты какой, Вангелис!.. из таких, как ты, мыло варить, и то раскиснет.

Сидел так, а сердце тикало, надо было идти и начинать хоть что-то делать. Кое-как разогнулся, вышел в столовую. Сгреб «Руководство», выбрался за дверь.

Вертолет стоял, подрезав лопастью дюну.

Вертолет не улетел.

В гараж Люк заходить не стал. Увязая в наносах, добрался до двери и сел на песок. От солнца звенело в ушах. Люк щурился, но сидел спокойно. Не боялся никого и ничего. Потом забеспокоился. Мо Эперт не показывалась, в гараже было тихо. Вангелису очень не хотелось открывать тяжелую дверь... да и не пришлось. Дверь сама проскрежетала, прочертила дугу, выпустила врача. Вангелис попятился.

— Ох, Вангелис, — сказала она, вытирая мокрые щеки, — ох, человек, ты даешь!..

Она перешла на «ты», но Вангелис не заметил. Не до того было.

— Ох, Господи, Боже мой, полечила, а? — Мо Эперт с маху села на кучу песка, глотая сухой воздух, будто только что пробежала эстафету. — Да, это тебе не автоаппендектомия... и не роды на Марсе. Вангелис! — Она обернулась. Люк подобрался и замер, не зная, чего ожидать. — Ты мне чуть мозги не сварил, товарищ... Ладно, вот, смотри, я тут данные по сбоям записывала. Все равно ничего не понимаю. Но — вот.

Вангелис теперь и сам видел: рукав и штанины комбинезона врача были густо исписаны стилем — адреса ячеек, служебные индексы... с ума сойти, конечно, но все-таки.. все-таки теперь будет легче. Проще.

Мо Эперт посмотрела на часы и поднялась.

— Слушай, ты все-таки... ох. В общем, сменишься — жду. Лечить тебя будем. Нервы перебирать, как говорится. И никому не рассказывай, договорились?

Вангелис закивал. Он не понимал, как, зачем и для чего это может быть — чтобы существо, в котором электроники, наверное, не меньше, чем живой плоти, говорило с прибавками, обливалось потом или слезами, просило никому не рассказывать. Но это уже было не важно. Важно — что...

— Иначе меня с рейсов снимут. И хорошо, если штрафом отделаюсь.

— Это из-за Диковича? Потому что он там остался один?

— Ну, в общем, нет. Антибиотики-то он получил. — Мо Эперт уже шла к вертолету, Люку пришлось поспевать за ней. — Но я права не имею заниматься ничем, кроме медицинской помощи. Людям. Ты понимаешь? — Она остановилась у кабины. — Там столько информации сразу пошло, ты что, не догадывался совсем? Техника безопасности, Вангелис! Вот если бы я отключилась — были бы у нас с тобой большие проблемы. Так что не забудь. Со смены — к нам.

Вангелис засопел, прочистил горло и сказал вдруг почти сердито:

— А это и была помощь людям. Я вам... тебе — не человек, что ли?

Мо, уже из кабины, оглянулась.

— Человек, — сказала она, усмехаясь, и Вангелису снова чуть не стало стыдно — и за свой ужас, и за просьбу. Усталая была улыбка, высушенная, выжатая. Но Люк вздохнул поглубже и дурные мысли в себя не пустил. Нечего было стыдиться. Все они сделали правильно.

— Человек два уха — на вот, держи!

Из-за дверцы показался комбинезон. Ах да! Ну да!.. Вангелис схватил его и — сам от себя такого не ожидал — успел придержать на мгновение сухие прохладные пальцы врача. Живую человеческую руку. Он не поцеловал их — только к щеке притиснул быстро и тут же отступил, заслонился локтями от струй песка, от рокота, от горячей волны рассеченного воздуха.

А потом подобрал комбинезон и потопал в блочок — разбираться, работать, сколько получится. Зегерса, скорее всего, пришлют, как сказали. Ну что же, а тут и задел ему. И хорошо.

Потому что полив — по графику.

